

АВТОБИОГРАФИЯ – БЕСТСЕЛЛЕР

ВЛАДИМИР МЕНЬШОВ

СУДЬБА
ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ

МОСКВА 2023

УДК 791.633:929(470)
ББК 85.374(2)6-8
М51

В оформлении обложки использована фотография Аллы Четвериковой.
Во внутреннем оформлении использованы фотографии

Аллы Четвериковой и из семейного архива Веры Алентовой, а также:

© Владимир Вяткин, Дмитрий Коробейников / РИА Новости,
Архив РИА Новости;

© Анатолий Ковтун / Фото ИТАР-ТАСС / Legion-Media.

Фото из архива Театра юного зрителя имени А.А. Брянцева
(г. Санкт-Петербург).

А также кадры из фильмов:

«Курьер», реж. К. Шахназаров, © Киноконцерн «Мосфильм», 1986 г.;

«Где находится нофельт», реж. Г. Бежанов, © Киноконцерн
«Мосфильм», 1987 г.;

«Зависть богов», реж. В. Меньшов, © Киноконцерн «Мосфильм», 2000 г.
Фотографии со съемок фильмов:

«Розыгрыш», реж. В. Меньшов, © Киноконцерн «Мосфильм», 1976 г.;

«Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, © Киноконцерн
«Мосфильм», 1979 г.;

«Любовь и голуби», реж. В. Меньшов, © Киноконцерн «Мосфильм», 1984 г.;

«Ширли-Мырли», реж. В. Меньшов, © Киноконцерн «Мосфильм», 1995 г.

Меньшов, Владимир Валентинович.

М51 Судьба протягивает руку / Владимир Меньшов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 544 с. : ил. — (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-04-096830-5

Автобиография, написанная знаменитым режиссером, киноактером, сценаристом и продюсером Владимиром Меньшовым. Искренний рассказ о любви, о настоящей мужской дружбе, о верности своему делу и Родине.

Это очень своевременная книга. Сегодня многим, если не всем, остро не хватает слов поддержки мудрого, необыкновенно талантливого, предельно честного и искреннего человека. Таким был и остается в народной памяти Владимир Меньшов, подаривший зрителям киношедевры «Розыгрыш», «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби», «Ширли-Мырли», «Зависть богов».

Здесь вся творческая жизнь Владимира Меньшова — в интереснейших и предельно откровенных деталях:

— как случилась размолвка с Верой Алентовой и как им удалось начать все сначала;

— почему Баталов сначала отказался от роли Юши;

— почему у большинства коллег-кинорежиссеров фильм «Москва слезам не верит» вызвал чувство ненависти.

И многие-многие другие удивительные, а подчас шокирующие факты из жизни Великого Мастера. Книга содержит несколько десятков фотографий из семейного альбома режиссера, которые прежде никогда не обнародовались.

УДК 791.633:929(470)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-04-096830-5

© Меньшов В.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Содержание

1. О том, как трудно бывает взяться за книгу, о Каспийском пароходстве, турецких корнях и тёте Шуре, не выполнившей рекомендации врачей	9
2. Об алкогольном дебюте, причудах памяти, традициях Севера, а также о том, как ненавидели Григория Александрова его знаменитые коллеги	18
3. О первой и последней кличке, путешествии в Астрахань, уличных методах воспитания, настоящей ухе, тайной организации и пистолете под подушкой.	27
4. О тайных сторонах подростковой жизни, появлении в классе новенького и девушке, похожей на актрису из «Весны на Заречной улице»	38
5. Об отношениях с противоположным полом, песнях Ива Монтана, несостоявшейся карьере военного, а также о том, как опасно бывает ввязываться в идейные споры	56
6. О том, как формируется общественное мнение, о съёмках в массовке, причинах, не позволивших пойти в армию, и астраханской театральной студии	68
7. О бегстве в Воркуту, планах обуздать природные стихии, шахтёрских буднях, последствиях романа с замужней и романтической мужской дружбе.	77
8. О погружении на дно морское, об истории, которая до сих пор вызывает чувство вины, спасительной «Мухе-Цокотухе» и о том, как нельзя писать сочинения	92
9. О том, почему необходимо мечтать, ощущении собственного потолка, судьбе Эвариста Галуа, системе Станиславского и гениальном Ленине, создавшем великую партию	101
10. О великом артисте, которому подражали корифеи, знаменитых однокурсниках, этюде с гвоздём, мхатовских стариках, строгом нраве Солженицына и мрачных мыслях	113
11. Об особой ленинградской породе, проблеме выбора койки в общежитии, отсутствии страха потерять лицо, дендизме, садизме и сексуальном скандале.	121
12. О том, как кино заставляет человека идти на авантюры, трёхгранном железнодорожном ключе, преодолении трёхтысячника и привычке к осёдлости	134

13. О том, как выбирали комсорга, о неумении выигрывать любой ценой, отношениях с Евгенией Морес и подслушанном через отдушину разговоре	141
14. О том, к чему привела подготовка к экзаменам, о газетке вместо скатерти, Вериной семье и утраченном чувстве справедливости ...	149
15. О пятилитровой кастрюле, свадебном путешествии в общем вагоне, Питере Бруке, Анне Маньяни и о том, как можно использовать красивую девушку	159
16. О том, как Ромм отправил театр на свалку истории, шеститомнике Эйзенштейна и причинах, по которым не стоит млеть, когда встречаешься со знаменитостью	168
17. О том, чему научила Вера, о ритуалах любви, органике, простом человеческом счастье, знакомстве с Высоцким и судьбоносной встрече на улице Горького.	175
18. О знаменитом выступлении Ромма, буднях Ставропольского театра, первом опыте театральной режиссуры, добрых телефонистках и ещё об одном чуде из целого ряда чудес.	188
19. О нелегальном положении, незавидной судьбе аспиранта, научной полемике с Роммом и первых шагах на диссидентском поприще	206
20. О Гольдберге, Фириюбине, неожиданном предложении свергнуть существующий строй, гениальном рассказчике Ромме и его великом педагогическом даре	217
21. О диалектике восприятия искусства, львиных когтях, уроках от Бунюэля, неприглядных эпизодах из жизни классиков и прозорливости Всеволода Кочетова.	225
22. О диссидентских мотивах в квантовой физике, экзистенциализме, границах компромисса, письме Брежневу, встрече с Вале́й Рабинович и фильме к юбилею ВГИКа	234
23. О том, как пришлось уговаривать Катаева, о неосуществлённой роли Михалкова, странном предложении Шурика и консервативной идеологической машине Советской Украины ...	249
24. О сценарном ремесле, потере рукописи, попытке поделить гонорар по-честному, «Ленфильме» 70-х и неожиданно обрушившейся критике	271
25. О неожиданном расставании с Верой, сложной судьбе Алексея Сахарова, героях Черныха, съёмках у Бориса Бунеева и особом даре спасать чужие фильмы.	304
26. О первой поездке за границу, разговоре с Сизовым, запрете на музыкальные фильмы, двух сорежиссёрах и директоре-интригане	315

27. О том, как пригодилась заветная тетрадь, о неожиданном внимании народной артистки СССР, пробах, ставших легендой, вкусных обедах Зиновия Гердта и формальных приёмах в кинематографе	324
28. О методе Карасика, чарах Прокловой, поезде, проезжающем мимо Орла, потрясённой Юле, смелости отрезать по живому и Лунгине, не ставшем охранной грамотой	333
29. О грузинских застольях, пользе от навязчивых поклонниц, третейском суде Кучинском, счастливой цифре «44», мятом паре и трудностях при расчёте постановочных	342
30. Об актрисах на роль Кати Тихомировой, смелости Муравьёвой, о страшнейших, но талантливых, красивых, но бездарных и Вячеславе Тихонове, который ничего просто так не делает	353
31. О том, как искали Гошу, о перфекционисте Никитине, о тех, кто стеснялся фильма, актрисе Алентовой, ставшей черноглазой и темноволосой, и предложении вырезать одну их сцен	360
32. О новомодных веяниях в режиссуре, панических состояниях, старой директорской школе, принципах Алексея Германа и одинаковых причёсках Кати и Людмилы	369
33. О том, за что режиссёры любят монтаж, о музыке Никитина, похожей на музыку Колмановского, посторонних шумах, реакции Гришина и зрелище, увиденном на Пушкинской площади	376
34. О том, чем обернулся «большой успех», о новом хобби, судьбе Гайдая, культуре личности Тарковского и Льве Толстом, описавшем ещё в конце XIX века, что такое «элитарное искусство»	385
35. О рекордном кассовом сборе, возмущённом Юлии Райзмане, плевке в лицо и пребывании в одном списке с Акирой Куросавой и Франсуа Трюффо	399
36. О том, как удержать внимание зрителя, о волшебной булабочке, о тех, кто формирует репутацию художника и чужом празднике жизни, куда не стоит стремиться	411
37. О том, как поменять пробитое колесо, о Филиппе Денисовиче Бобкове, поездке в стрип-клуб, женщине, слетевшей с резьбы, и кризисе советской дипломатии	417
38. О том, с чего начинался фильм «Любовь и голуби», знакомстве с Гуркиным, встрече, навеявшей образ Раисы Захаровны, рекомендациях Олега Табакова и грустной пасторали 80-х	428

39. О том, кого пробовали на роли Васи, Нади и Раисы Захаровны, о воспоминаниях Гурченко, грибном рае и народе, который выигрывает войны	439
40. О том, как расцветали цветы на деревьях, о несчастном Петре Тодоровском, неводе, заброшенном Людмилой Гурченко, и Ленинском субботнике на «Мосфильме»	452
41. О попытке всё свалить на худсовет, странной позиции Сахарова, возмущённом Воротникове, шести кружках пива и параллелях с Кустурицей	462
42. О том, как трудно было уговорить Вячеслава Кондратьева, о языческом мировоззрении, перестроечной эйфории и судьбоносном V съезде кинематографистов	469
43. О политических взглядах Горбачёва, приборчике, который носил с собой Бондарчук, встрече с Ельциным, знакомстве с Мишель Пфайффер и планах поработать с Мастроянни	478
44. О новом худсовете, толпе на Пушкинской площади, убеждениях Святослава Фёдорова, хитростях Егора Яковлева и статье Нины Андреевой	488
45. О бурной политической жизни, выборах 1993 года, о замысле «Ширли-мырли», поисках артиста на роль Кроликова, клиповом монтаже и отложенной славе	501
46. О том, как работалось с Володей Кучинским, о профессии второго режиссёра, странном поведении старого товарища, а также о том, что хранилось на верхней полке шкафа	514
47. О белых пятнах биографии, постмодернизме, лучших ролях Веры Алентовой, французском акценте Лобозкокого, исторической неизбежности и абсолютной свободе	522
Послесловие от Веры Алентовой	539

1

О том, как трудно бывает взяться за книгу, о Каспийском пароходстве, турецких корнях и тёте Шуре, не выполнившей рекомендации врачей

Начать можно с очереди в кинотеатр «Россия», заполнившей всю Пушкинскую площадь. Как описал один из зрителей свои впечатления февраля 1980 года: последним за билетом на фильм «Москва слезам не верит» стоял сам Александр Сергеевич. Начать можно с того, как я, ошарашенный успехом, незаметно прохожу в зал, прислушиваясь к реакции зрителей: неужели смеются, неужели плачут? Подобная экспозиция была бы в духе времени. Видимо, это у нас прижилась западная манера нарушать хронологию — выхватывать эпизод из середины или даже финала повествования, а потом возвращаться к началу жизни героя. От следствия, так сказать, к причине. По этой схеме должно получиться нечто вроде: «Глядя на бесконечную очередь в кассу кинотеатра, я размышлял, как же мне удалось снять такую картину? Как я стал победителем?» И за ответом на этот вопрос нырнуть вместе с читателем в глубину веков.

Есть и ещё один штамп, притягательный, впрочем, своим простодушием. Когда-то Пушкин помог начать мемуары Щепкину, робеющему перед чистым листом бумаги, — написал за него первые строки: «Я родился в Курской губернии Обоянского уезда, в селе Красном, что на реке Пенке...» И передал перо Михаилу Семёновичу, который уже самостоятельно продолжил работу над ставшими впоследствии знаменитыми «Записками актёра».

Однако я, оглядываясь в прошлое, выйду, пожалуй, за границы собственного биологического существования и предложу сюжет с романтическим колоритом морского путешествия. Слышится крик чаек, плещутся волны за бортом теплохода, идущего по маршруту Баку — Пехлеви. 30-е годы прошлого столетия, заграничный рейс из Советского Союза в Иран, комфортабельное судно, и на нём нас интересует первый помощник капитана — благородной внешности и туманной биографии. Знаем только, что он был женат на местной бакинской немке, не так давно овдовел, а сейчас проявляет интерес к персоне определённо не своего круга — горничной, с которой они по графику Каспийского пароходства выходят в рейс, и всякому ясно, что он — фигура, а она — так, подай-принеси. Однако совсем уж необъяснимым увлечение импозантного моряка не назовёшь, ведь за женщиной из obsługi ухаживает ещё и старший механик, настойчиво предлагающий Тосе, а именно так зовут горничную, выйти за него.

Внимание первого помощника воспринималось Тосей не всерьёз ещё и потому, что она была старше на семь лет. Кандидатура стармеха выглядела с точки зрения здравого смысла предпочтительнее, но однажды получилось так, что Тосе понадобилось по какой-то причине остаться на берегу, теплоход уходил в рейс вместе с двумя её поклонниками, но тут один из них проявил коварство и под надуманным предлогом в последний момент тоже сошёл на берег.

Короче говоря, покуда имевший серьёзные намерения старший механик в очередной раз двигался в сторону иранского порта Пехлеви, мой отец, Валентин Михайлович Меньшов, добился своего, взял штурмом доселе неприступную крепость, в результате чего моя мама, Антонина Александровна Дубовская, и родила 17 сентября 1939 года сына Владимира.

Продолжение романа оказалось не столь романтическим, как завязка на фоне морского пейзажа. Такой союз в былые времена назвали бы мезальянсом: на отношениях не могло не сказаться, что муж — человек с положением, а жена все-

го-то с двумя классами церковно-приходской школы. Мама, по существу, была малограмотной женщиной, всю жизнь писала с ошибками и читала газеты по слогам. И это на фоне отца, славящегося своей грамотностью и каллиграфическим почерком. Отец — селфмейдмен, сам себя сделал, хотя, конечно, если бы не мощь советского государства, неизвестно ещё, как сложилась бы его судьба. Свою семью он вспоминать не любил. Судя по нескольким обронённым фразам, отец был пьющим, бросил их с матерью и братом, уехал в Царицын. Но ведь удалось выкарабкаться: оба парня закончили Астраханское мореходное училище, получили профессию. Отец мой дослужился до первого помощника капитана и не на каком-нибудь буксире — на серьёзном пассажирском судне, которое даже иранского шаха принимало на своём борту. У меня нет сомнений, что отец сделал бы весьма успешную карьеру на флоте, но незадолго до моего рождения, летом 1939 года, он получил предложение поступить на службу в НКВД. Пришёл домой взволнованный, сообщил жене, но не для того, чтоб посоветоваться — от таких предложений не отказываются, — а скорее делился переживаниями.

Наступило время, когда после ареста и расстрела Ежова ведомство обновлялось, массово набирали сотрудников, открывалась новая страница в истории легендарной спецслужбы. Теперь многие судят о той эпохе, представляя её чем-то единым, незыблемым, а ведь и в партии, и в НКВД, и в Министерстве обороны — вообще во власти были разные этапы, и не учитывать этого обстоятельства, давая сегодня оценки советского прошлого, как минимум легкомысленно.

Это была честь — получить предложение влиться в ряды НКВД. К своей работе в органах отец относился с огромной ответственностью, и никогда дома ни слова не было сказано, чем именно он занимается. Только в 10-х годах XXI века я ознакомился с некоторыми деталями отцовской службы. В астраханском управлении ФСБ мне показали несколько архивных документов, которые, разумеется, не раскрывали

секретов оперативной работы, но хотя бы отчасти удовлетворили моё любопытство. Из прочитанного я понял, что одним из дел отца стало разоблачение бывшего полиция, что операция по выявлению предателя оказалась остроумной и изобретательной. Ещё я увидел объяснительные, в которых отец подробно отчитывался о многочисленных родственниках супруги. О своих родных информация была скудная — мать умерла до войны, брат погиб на фронте.

В 1939-м родился я, в 1941-м — моя сестра, вот так мы вчетвером и стали существовать. Мама довольно скоро задумалась: а не ошибка ли этот брак? Может, если бы пошла за стармеха, жизнь сложилась по-другому, ведь отец ей совершенно не пара...

И действительно, он даже внешне как будто из другого мира: красавец, но не смазливый, не слащавый, отмеченный неброской мужественной красотой. Блондин с рыжиной, белокожий, почти альбинос, по портретным данным вполне можно было шпионом в Германию засылать. Со своей альбиносной кожей сгорал на солнце моментально, уснул как-то на пляже и получил страшный ожог, мать его потом еле выходила, вымачивая в кефире. Умён, образован: по тем временам семилетка и мореходка как нынешний университет.

У мамы своя биография. Родилась в 1905 году в селе Чаган Астраханской губернии, семья многодетная: семь человек детей. Село — в дельте Волги, огромное, на тысячу дворов, отец был рыбаком, и вокруг этого промысла вся жизнь у них и вертелась: мужики уходили на лов, а потом ведь надо рыбу сохранить да побыстрее продать. Дети на подхвате, старший сын Николай Александрович, 1898 года рождения, — правая рука. Из сестёр старшая — Александра Александровна, тётя Шура, 1899 года. По рассказам, мама их, моя бабушка, была беленькая, светловолосая, а отец, мой дед, — тёмный, с грубыми чертами лица, видимо, из казаков.

Не так давно, увидев обо мне биографический сюжет по телевизору, на меня вышли родственники — потомки

одного из маминых братьев, дяди Миши (мама его потеряла ещё в 30-е годы). Они стали переписываться с моей сестрой и прислали фотографию — на ней вся семья, тогда принято было такие делать, специально фотографа приглашали. Маме там лет семь-восемь, а после мамы родились ещё младшие дети: тётя Вера, дядя Витя и дядя Лёша, которого я не видел никогда — он погиб на фронте. Вера с Тосей очень похожи, смуглые до неприличия, без всякого преувеличения — мулатки, а остальные (видимо, по другой линии) пошли беленькие. У нас, наверное, как в мелеховском роду из «Тихого Дона», где-то среди предков присутствует пленённая бабушка-турчанка — отсюда и смуглость у некоторых родственников проявляется.

Родились в этой большой семье два горбатеньких ребёнка: старшая сестра Шура и брат Витя. Говорить об этом было не принято. Вообще я обратил внимание: если случается несчастье, рождается ребёнок с неизлечимой болезнью, отклонениями в развитии, то срабатывает стандартный защитный механизм и тему начинают обходить стороной, а то и вовсе стараются не замечать очевидного. Я сталкивался с подобной психологической реакцией неоднократно, вот и в случае с Витей — настоящим горбуном, и с Шурой — не слишком, но всё-таки горбатенькой — в семье Дубовских та же реакция была: тема считалась если не запретной, то, во всяком случае, о ней старались не распространяться.

При советской власти мамину семью не раскулачили, хотя был у них дом, большое хозяйство: коровы, козы, лошади. Со всем этим нелегко управляться, но работали сами: семья большая и батраков нанимать не требовалось. Поэтому, как не причастных к эксплуатации, приписали их к середнякам, но, видимо, опасаясь раскулачивания, к тридцатым годам все из села разъехались — в основном поехали в Астрахань, выучились кто на кого, устроились кто куда. Происхождение своё скрывали, в биографиях писали, что из бедняков. Дом то ли бросили, то ли всё-таки удалось его продать, но в любом случае никого из нашего рода в Чагане не осталось. Дед мой доживал век в Астрахани, кажется,

где-то сторожем работал, дети с ним не общались. Не любили главу семейства за властность и грубость, доставалось от него всем, ходили даже разговоры, что именно на нём вина за смерть моей бабушки. Вроде как дед её ударил, да так, что она упала и несколько часов пролежала на леднике. Ледник — хитроумное подземное сооружение, куда зимой укладывали лёд и даже в астраханскую летнюю жару он не растаивал. Без такого холодильника в рыбацкой деревне не обойтись, улов не сохранить, и вот бабушка будто бы там сильно простыла. Правда, по другой версии, она умерла во время эпидемии «испанки» в 1919 году, а может быть, одно с другим как-то оказалось связано: и на леднике застудилась, и грипп этот страшный подхватила, от которого народу тогда умерло больше, чем погибло в Первую мировую.

Многое из пережитого мама пыталась мне рассказывать, но я слушал вполуха, думал: чего она пристаёт со своими воспоминаниями. Сейчас, конечно, относился бы по-другому, считал бесценными, уточнял детали. Лишь иногда в дальних уголках памяти наткнёшься вдруг на какой-нибудь образ из её рассказов, как, например, во время контрреволюционного восстания в Чагане красноармейцев со связанными руками под лёд заталкивали. Это сейчас, когда свидетелей не осталось, можно трезвонить о большевиках, которые расправлялись с несчастными, ни в чём не повинными крестьянами, выступившими против жестокой советской власти.

Ещё помню, мама рассказывала, что её очень рано выдали замуж за человека значительно старше и пришлось переезжать к нему в посёлок под Астраханью. О том периоде жизни, который она очень не любила, осталась фотография: мама на ней в жакетке, берете — очень узнаваемая женщина из 20-х годов.

Довольно скоро мама решила уйти от мужа, пошла в суд, ей предложили адвоката, но она сама взялась защищаться. Свою речь на суде пересказывала так: «Он меня взял не как жену, а как домработницу, а я не хочу быть в таком положении, хочу ещё жить, хочу пойти учиться...» Судья ей потом

говорил: «Ну, Дубовская, вы талант, вам в адвокаты надо идти...» Гораздо позже с чужих слов я узнал то, что родители детям обычно не рассказывают: у мамы, оказывается, была дочка от первого брака, Ниночка, но прожила очень недолго.

Мама моя была абсолютно советским человеком. Лучшей похвалой в её устах была характеристика «настоящий коммунист». И, что интересно, в пример она приводила отца. С уважением говорила, совершенно искренне, хотя жили они плохо, и отец её обижал. Да и она его тоже обижала.

Сестра Ира родилась 30 мая 1941 года — до войны оставалось меньше месяца. Тяготы Великой Отечественной нас коснулись не очень сильно: Баку бомбили мало, мы жили тогда в центре города — в крепости, откуда есть пошла бакинская земля. Сейчас, когда случается оказаться в Баку, прошу, чтоб именно туда, в крепость, меня и отвезли. Брожу по узким улочкам этого уникального места (знакового нашим зрителям по фильму «Бриллиантовая рука») и чувствую ностальгическое волнение, хотя чётких воспоминаний из детства у меня не осталось.

Задолго до войны, в 1921 году, между Советской Россией и Ираном был заключён договор, по которому мы имели право ввести войска на иранскую территорию в случае военной угрозы нашим южным рубежам. Но в 1941 году шах Ирана Реза Пехлеви отказал в этом Советскому Союзу, и тогда была проведена совместная операция союзников (Великобритании и СССР) по оккупации Ирана: необходимо было лишить Гитлера возможности захватить иранские нефтяные месторождения, к тому же требовалось обезопасить пути доставки военной помощи СССР по ленд-лизу.

Отца отправили в Иран, он был там, как я понимаю, нашим резидентом, работал под прикрытием на должности представителя Каспийского пароходства. Так что первые годы войны, самые тяжёлые, наша семья провела в относительном благополучии. Воспоминаний об Иране у меня, можно сказать, не осталось, лишь какие-то вспышки: едем мы куда-то, покачиваясь, в фаэтоне, и я прижимаюсь к маме.

Мать говорила, что страна была нищая, люди от голода и малярии умирали под заборами; выйдешь на улицу, а там к тебе руки тянутся за милостыней. Но я не думаю, что мама особо разбрасывалась деньгами: нужно было о семье думать, да к тому же она была деревенской закалки, сама прошла через серьёзные испытания, просто так её не разжалобишь.

В Иране, оказавшись в новой обстановке, но главное, думаю, от осознания безысходности своего семейного положения, отец завёл любовницу — работала с ним какая-то секретарша. Судя по маминому рассказу, на измену мужа она отреагировала без лишних церемоний: пошла бить стёкла разлучнице, написала письмо отцовскому начальству, чтобы сохранили семью. В общем, портили они друг другу жизнь вдохновенно, в средствах себя не ограничивая. Сколько себя помню, так они и жили, всё время выясняя отношения, проявляя недовольство, предъявляя претензии.

В Иране я подхватил малярию, единственным из семьи, и приступы этой болезни продолжались у меня лет до двадцати пяти. Начинались с лёгкой дрожи, потом по нарастающей — когда зубы уже стучат и становится невероятно холодно. Ложишься и тебя накрывают всем, что только найдётся в доме, потому что температура поднимается до сорока одного, почти до сорока двух, а после — толчком — кризис проходит, и можно всё с себя сбросить и какое-то время подышать свободно. Час лежишь весь в поту, блаженствуешь, а потом снова температура поднимается, и тащишь опять на себя одеяла. Кстати, именно малярия позволила мне понять, что высокая температура — это благо, а обывательская привычка её сбивать — категорически неверная тактика лечения. Потому что жар — это борьба жизни и смерти, способ сопротивления организма.

В Баку мы вернулись, когда война ещё не закончилась, и почти сразу я заболел воспалением лёгких — двухсторонним, крупозным. Совсем недавно узнал, что другое название этой болезни — отёк лёгких, а это всегда смертельный диагноз. Всё заработанное отцом в Иране ушло на моё лече-

ние, даже пришлось что-то продавать. Лучшим средством в те годы считался красный стрептоцид, но и его надо было достать. Ещё мать покупала на рынке продукты, рекомендованные врачами, а они дешёвое не посоветуют. Состояние было критическое, меня уже положили на операционный стол, но хирург подошёл к отцу, который сидел в коридоре и ждал окончания операции: «Как хотите, но я не возьмусь, уверен, что под скальпелем он умрёт». Отец ответил: «Ну хорошо, значит, будем полагаться на судьбу...»

Я остался в больнице, и со мной рядом на сдвинутых стульях спала моя тётушка – Шура, та самая старшая мамина сестра, горбатенькая. Святая женщина, настоящий ангел-хранитель нашей семьи и мой личный ангел-хранитель. Я был без сознания, и врачи её предупредили: «Следите, чтобы его не вырвало. Если будет тошнить, всячески подавляйте позывы, пить давайте ...» Она рассказывала потом: «Ты ночью проснулся, и прямо на постели тебя всего стало выворачивать. А я думаю: да бог с ним, только горшок подставила; и так полгоршка гноя с кровью из тебя вышло, и я смотрю: ты прямо на глазах стал розоветь...»

2

Об алкогольном дебюте, причудах памяти, традициях Севера, а также о том, как ненавидели Григория Александрова его знаменитые коллеги

Помню, что из больницы меня везли уже на новую квартиру, и она оказалась роскошной, двухкомнатной, просторной. Трёхэтажный дом с деревянной галереей по периметру, двор, который казался мне бесконечно огромным, правда, когда я попал туда взрослым, его масштаб значительно уменьшился. Во дворе кипела жизнь, играли в нарды, шахматы, домино, туда приходили попрошайки с нехитрыми музыкальными номерами. Обычная жизнь южного города, достаточно сытная по сравнению с остальной страной.

С этой квартирой связано у меня едва ли не первое ясное воспоминание, как справляют у нас новоселье, а я хожу вдоль стола и канючу: «Дай попробовать, папа, дай попробовать». Интересно ведь, что взрослые с таким увлечением и кряканьем пьют из таких красивых рюмок. Наконец отец не выдерживает: «Да на, отвяжись». Полагая, что я понюхаю, в крайнем случае пригублю и сразу выплуну горькое пойло. Но я маханул до дна все сто грамм и тут же рухнул. Когда проспался после первого своего алкогольного опыта, слышу: мать рыдает, с отцом скандал.

Родители без конца орали друг на друга, и я понимаю природу этих конфликтов: отец как в капкане был зажат семейными обстоятельствами, а мать — невозможностью что-то изменить: ну куда она денется теперь с двумя детьми, которых надо поднимать.

Мама была раздражена постоянно, отец тоже — придёт домой мрачный, молчит, пока снова не затеется очередная ссора. Скандалы между ними случались некрасивые, просто неприличные. Однажды у нас были какие-то гости, и родители прямо при них завелись. Мать предъявила свои дежурные претензии, отец ответил, она парировала: «Я же дом содержу в порядке!» И тут отец повёл гостей по квартире показывать им пыль на каких-то труднодоступных поверхностях: «А вот здесь, смотрите! Вот сюда гляньте...» И на пальцах у него следы остаются — доказательство плохой уборки. Людям неудобно, мать покраснела, и ему уже стыдно, что до такого опустился... Плохо они жили, очень плохо.

На примере родителей и я научился этой форме выражения мыслей и чувств: орать стало для меня нормой. С одной стороны, вроде темперамент, но на самом деле — просто невоспитанность.

Ещё из бакинской жизни помню землетрясение, как мы друг с другом переглядываемся: кто это стол шатает? А потом посыпались всякие безделушки с полок.

Помню, как сообщили, что подписан акт о капитуляции Германии. Было два или три часа ночи, видимо, народ уже ждал левитановского голоса по радио, а когда дождался, стали зажигаться вокруг окна и такой крик вокруг, слёзы, люди высыпали на улицу кто в чём, даже в ночных сорочках: 9 мая в Баку — уже теплынь.

Сейчас задумываешься и кажется странной такая бурная реакция, ведь понятно же было задолго до 9 мая, что немцев мы победили, но, видимо, всё-таки ещё опасались радоваться, боялись получить похоронку, хотя столько их ещё потом пришло, этих похоронок, после Дня Победы.

Совсем недалеко от нашего бакинского двора строили Дом правительства. Начали его возводить ещё в 1936 году, закончили в 1952-м. Получилось мощное, помпезное здание — сталинский ампир с восточным колоритом. А в конце войны на стройке работали пленные немцы. Помню, мы

бегали к колючей проволоке меняться: они нам выстреливали свистелки, ещё какие-то поделки из дерева, а мы им давали хлеба. Немцы уже пытались говорить с нами по-русски, и помню, что люди их жалели. Поразительно: после всех ужасов войны — всё равно жалели. Во всяком случае, я не сталкивался со смертельной ненавистью, для которой, конечно, оснований было достаточно.

Это чувство ненависти позже я увидел в картине Михаила Ильича Ромма «Человек № 217», снятой ещё в 1944 году. Там в начале фильма по Москве идут колонны пленных немцев, а на тротуаре наши советские люди смотрят за шествием побеждённых, и несколько женщин в толпе общаются, обсуждают между собой, кто из этих идущих мимо фашистов какие мог совершить зверства. Но потом как будто жалостливая нота звучит по отношению к этим хромающим пленным, и главная героиня, которую играла жена Ромма, Елена Александровна Кузьмина, вступает в разговор и начинает страстно убеждать, мол, нечего их жалеть: «Я знаю, они все палачи!» И потом главная героиня вспоминает, а зрителю показывают, как её угнали в Германию, какие ужасы пришлось ей пережить в немецком рабстве.

Каждый раз думаю: кто придумывал эти гениальные режиссёрские ходы? Взять и прогнать по столице немцев, а потом ещё и поливальную машину пустить, чтоб следы этой нечисти смыло. Наверное, всё-таки сам Сталин. Летом 1945-го он всей стране, всему миру показал, что мы их сломали.

Или парад 7 ноября 1941 года на Красной площади — поразительно мощный ход, который не только вдохновил соотечественников, но и весь мир заставил сомневаться в непобедимости Гитлера, а ведь к тому времени нас уже практически похоронили, считая дни до вступления немцев в Москву.

Из того же ряда — Парад Победы 1945 года. Грандиозная режиссура со множеством ярких деталей. Особенно, конечно, эпизод, когда офицеры Красной армии презрительно бросают к ступеням Мавзолея Ленина штандарты поверженного фашизма.